

Мнение, которое выражает Л. Пагротски, наводит на более глубокие размышления и является определенным толчком для «молодых и неопытных строителей» социального государства для необходимого критического переосмысления и непредвзятого изучения опыта социального государства. Но при этом необходимо иметь в виду, что использование опыта государственного строительства в условиях кардинально иного социально-экономического пространства имеет свои закономерности и свою особенную логику. Именно они, на уровне использования опыта европейской модели социального государства, определяют «особенному», т. е. национальному, в диалектике общего и особенного первое место.

Таким образом, современный этап общественной системной трансформации в постсоциалистических странах на общем фоне цивилизационного процесса является закономерным процессом. И как говорил «архитектор» социального рыночного хозяйства в Германии Людвиг Эрхард: «Политические и экономические порядки всегда будут склонны трансформироваться постоянно, но останется вечная цель – служить и помочь благосостоянию людей».

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ширяева Л.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

«Завтра наш путь долг и мы можем исполниться. Пойдем вместе. У нас будет праздник и радость. Спою тебе песню твоей матери, и жены, и сестры, так же скажешь предание отца о горе и подвиге: будет наш путь общим».

Идея мира и братства народов в недавнем прошлом, перевернута с головы на ноги сегодня стала нести отрицательные эмоции и негативные мысли. Но процессы изменения сознания народов не зависят от нашего личного понимания. Давно говорилось с закономерности хода истории, можно рассуждать о ментальности определенных наций, о ментальности отдельного народа, хотя ещё в 70-х годах в Большой Советской Энциклопедии мы не найдём слово-МЕНТАЛЬНОСТЬ. Сегодня на наших глазах ускоренными темпами происходят объединительные процессы невозможные с точки зрения логики ещё лет 5 назад. Объединенная Европа- Объединённое Славянство. Для того, чтобы понять возможности такого конструктивного содружества для Будущей жизни, можно вспомнить предысторию уходящую в 15 тысячелетие до н. э.^[1]

Тогда древние славянские племена говорили на одном архаическом языке и место их расселения держава Аратта, включала в себя обширные территории от Днепра до родины древнейших этрусков.^[2] Аратта - арийская общность появившись на исторической арене, сложила генную память сегодняшних славян, которые, не глядя не на какие исторически негативные изменения всё-таки, периодически, идут друг к другу на встречу и выдвигают позитивные решения на пути взаимопонимания.

Вспомним историю польского и белорусского народов с единым геологическим пространством, в котором был накоплен позитивный опыт синтеза, обмена, и взаимного движения к созданию новых конструктивных решений, не пресекающих и угнетающих национальные особенности. Включение восточнославянских земель в состав Литовского государства имело историческое значение. Беларусь в составе ВКЛ сохраняла правовые традиции Древнерусского государства, восточное христианство стало внутренним фактором государственной и культурной жизни новой политической элиты.

Начиная с периода персональной унии (брак Ягайло с Ядвигагой), постепенно наметился вектор развития особой черты свойственной новой ментальности, суть которой – толерантность. Существовавшее равенство в правах католиков и православных подтверждается рядом привилегий XV в.^[3]

В следующем столетии толерантность получает дальнейшее развитие в взаимосвязи с аналогичными традициями Польши: свобода совести и равноправие различных христианских конфессий утверждается актом Варшавской конфедерации 1573 г. А знаменитый статут великого княжества литовского пишется на белорусском языке.

В перспективе дальнейшей истории этот союз двух государств был по сути прочным и постоянным. Литва, как государство не была поглощена Польшей. Сословно-демократическая государственность Литвы, как и аналогичная государственность Польши, были одновременно уничтожены вследствие согласованной политики трёх абсолютистских монархий – Австрии, Пруссии и России.^[4]

Вектор национального одностороннего мышления породил стереотип в ментальном восприятии национальных особенностей поляков, русских, белорусов. Идеи национализма всегда сопутствовали конфликтности XIX-XX веков. Национальная идеология в призме догматов прошлого преломляет подлинную конфликтность истории, создавая уже свою – виртуальную – реальность. Сейчас, когда пришла пора строительства общеевропейского дома, необходимо осмыслить по-новому опыт государственности, специфику характера народов, особенности ментальности восточных и западных славян.

Белорусский народ, как и польский с начала XIX века находился в равных условиях по отношению к новой титульной нации, которая из братской, соседней превратилась в главенствующую, тоталитарную. Система государства стала окрашивать российскую ментальность цветом превосходства и диктата. О негативных и позитивных чертах польского, белорусского и российского народов необходимо знать для того, чтобы избежать не решаемых ситуаций и конфликтности. Соседи ставшие врагами в течение всего XIX и XX веков смотрели друг на друга с опаской исподлобья. Многие поляки старались жить так, как будто России не существует, а о белорусах речь вообще не шла, так как эта национальная территория в тот период времени стала рассматриваться как Польша.

Два национальных уклада жизни в системе Российской Империи не воспринимались друг другом, неприязнь пряталась глубоко, но чувство принятия силы другого заставляло переживать ощущения контраста противоположных эмоциональных переживаний от любви до ненависти. Ярко и эмоционально это состояние передаёт польский поэт Ивашкевич в строчках к России:

«Пропасть которая болит и жгёт,
как ножом отравленным неизлечима рана.
Изрекаю, что тебя ненавижу? Или говорю, что ты любима?»^[5]

Николай Бердяев глубочайше точно смог проявить великую Польскую Душу, характер нации, и дать восторженную оценку неповторимых черт национальной ментальности. В своей статье «Русская и польская душа», он пишет: «Польская душа аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, не ведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетически до аффектации».^[6]

Аналогично тому, как в рамках семьи выделяются противоречия двух сторон, так и между народами в их контактах особо остро выступают противоречивые черты

характеров. Если для восприятия поляками русских и белорусов хлестко бьет черта расплывчатости, стихийности, покорности, то русское и белорусское «самолюбие» задевает чувства культурного европейского превосходства. До сих пор со стороны поляков Белоруссия рассматривается как *kresy*, находящиеся на окраине Польши, и тем отстающие от передовой Европы, а Россия рассматривается, как варварская, стихийная страна, претендующая на глобальное господство.

Близкие в корневых образованиях слова со стороны трёх народов воспринимаются искажёнными в другом языке, что способствует эмоциональному отталкиванию и неспособности воспринимать «чужое». Тенденции обособленности названных наций наметились с периода ВКЛ. С конца XVIII века, когда Российская империя стала утверждать свои законы и порядки в Польско-Белорусском пространстве, представители завоеванных наций стали отстаивать свою национальную независимость и тем самым ещё более ожесточили агрессивное качество социальных государственных структур. «Национальное тело» поляков и белорусов было разорвано, поругано и раздавлено. Русификация, как негативный фактор, тем не менее, не смогла сломить польско-белорусский дух независимости. Бердяев утверждает, что нет такого народа, который обладал бы таким напряжённым национальным чувством, как поляки, совершенно не поддающийся ассимиляции.

Русские, белорусы и поляки в историческом прошлом боролись не только за свои земли, но и за разное ощущение жизни, утверждая свой национальный дух и специфику мышления. Так русские отражали полонизацию, а поляки русификацию, и если говорить о белорусах, то они оказались в определённый период времени между «молотом и наковальней», отражая попеременно русификацию и полонизацию. В силу известных исторических причин белорусы должны были выстоять или умереть. Пластичность, текучесть национальной ментальности можно рассматривать, как необходимое, приобретённое условие самосохранения. Белорусский характер шлифовался между польским и русским мессианизмом, корни которого и формы проявления различны.

«Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым... Поляки внесли в мир идею жертвенного мессианизма. И русский мессианизм всегда должен был казаться полякам не – жертвенным, корыстным, притязающим на захват земли».^[7] Два сильных характера на протяжении долгих веков истории находились в непонимании по отношению к своей исторической миссии, и только белорусы, смогли покорно и жертвенно принять, через свою душу, ум, географическое пространство, те судьбоносные решения, которые разворачивались на их территории, в независимости от протеста личности.

Взрыв первой мировой войны объединяет перед лицом врага поляков, русских и белорусов. Происходит обратное влияние, польское воспринимается, как почти русское, происходит естественное сближение народов перед угрозой. Слияние трёх наций происходит через глубину духа. Известен поэтический диалог Эдварда Слоньского «И крикнем своим: *Jeszcze Polska jest!*» (Ещё Польша есть) с Валерием Брюсовым «Да, Польша есть: Кто сомневается в этом».^[8] Николай Бердяев также подводя итоги событий 1-ой мировой пишет: «Есть войны, которые посылаются Провидением, чтобы заставить народы опомниться, углубиться, приподняться. Неизбежность нынешней войны уже заложена во внутренней болезни человечества... Природа войны – не творческая, отрицательная, разрушительная; но война может пробудить творческие силы, может способствовать углублению жизни».^[9]

В период послевоенного десятилетия Польша строила свою новую государственность – II Речь Посполитую, советская Россия и Белоруссия, две республики, адаптировались в этот период к новым социальным установкам в надежде на творчество и контакт. Большевизм вскоре опять вносит разлад в общение народов. «От белого царства к красному», таким образным сравнением характеризуют польские исследователи период противостояния в жизни России и Польши совместной социалистической истории.^[10]

Большевизм усугубляет негативные отношения поляков, русских и белорусов. Синдром «оглядки», «опасности», пробуждается из польской национальной памяти вновь. С потерей Польшей независимости, после второй мировой войны отрицательные тенденции усиливаются. Возрождение третьей Речи Посполитой дает надежду на новую возможность контакта между славянами. Как отмечает Анджей Дравич «историческая ситуация открыла для двух стран первую в истории возможность строительства добрососедских отношений. Поляки не смогли стать готовыми к использованию такой возможности. Свобода способствует аккумуляции негативных исторических воспоминаний... свободному возрождению обид... и их подогреву через средства массовой информации»^[11]

Исторические условия сегодня дают возможность еще раз проявить чувства добрососедства и самых искренних устремлений к друг другу. Ныне перед Россией и Беларусью стоят иные задачи контакта с Польшей, чем в недавнем прошлом, инерция военного синдрома должна быть стерта с ментальной памяти поляков. Творчества, содружества, а не утеснения вот что в первую очередь необходимо проявлять в политике трех государств. «В каждой народной душе есть свои сильные и свои слабые стороны, свои качества и свои недостатки. Но нужно взаимно полюбить качества народных душ и простить их недостатки. В великом славянской мире должна быть и русская стихия и стихия польская... Жажда царства Христова на земле, откровения Святого Духа – есть жажда славянская».^[12] Следуя пожеланиям Бердяева можно сказать, что народные души могут не только понять, но и полюбить друг друга, прочувствовать свою принадлежность к единой расовой душе и осознать свою славянскую миссию в мире. Такие негативные стереотипы как «крэсовость», «москальство», «паньство» должны уйти из национального сознания.

Республика Польша, Республика Беларусь, Российская Федерация как социальные формы государственности сегодня утверждают национальное право и свободу. Настало время создания истинной свободы народной Души, которая в прекрасных женских образах своей земной природы и Космической Ментальности со-
тутствует объединению трех прекрасных сестер, держащих искренне друг друга за руки и провозглашающих Любовь и Содружество.